

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Козьма Скоробогатый

Жил-проживал Кузенька один-одинёшенек в тёмном лесу; у него был худой домишко, да один петушок, да пять курочек. К этому Кузеньке повадилась ходить лисичка; пошёл он раз на охоту, и только из дому, а лисичка как тут; прибежала, заколола одну курочку, изжарила и скушала. Воротился Кузенька, хватъ – нет курочки! и думает: верно, коршун утащил. На другой день пошёл опять на охоту. Попадается ему навстречу лисичка и спрашивает:

– Куда, Кузенька, идёшь?

– На охоту, лисичка!

– Ну, прощай! – и тотчас же побежала к нему в избу, заколола курочку, изжарила и скушала. Пришёл домой Кузенька, хватился курочки – нету! Пало ему в догадку: «Уж не лисичка ли кушает моих курочек?»

□ Вот на третий день он крепко-накрепко заколотил у себя в избе окна и двери, а сам пустился на промысел. Неоткуль взялась

лисичка и спрашивает:

– Куда идёшь, Кузенька?

– На охоту, лисичка!

Лисичка тут же и побежала к дому Кузеньки, а он поворотил да вслед за нею. Прибежала лисичка, обошла кругом избу, видит: окна и двери заколочены крепко-накрепко, как попасть в избу? Взяла да и спустилась в трубу. Тут Кузенька и поймал лисичку.

– Ба, – говорит, – вот какой вор ко мне жалуется. Постойка-ка, сударушка, я тебя теперь живу из рук не выпущу!

Лисичка стала просить Кузеньку:

– Не убивай меня! Я тебя сделаю Козьмою Скоробогатым, только изжарь для меня одну курочку с маслечком пожирнее.

Кузенька согласился, а лисонька, накушавшись такого жирного обеда, побежала на царские заповедные луга и стала на тех заповедных лугах кататься.

□Бежит волк и говорит:

– Эх ты, проклятая лиса! Где так жирно обтрескалась?

– Ах, любезный волченёк-куманёк! Ведь я была у царя на пиру. Неужели тебя, куманёк не звали? А нас там было всяких разных зверей, куниц, соболей, видимо-невидимо!

Волк и просит:

– Лисонька, не сведёшь ли и меня к царю на обед?

Лисичка обещалась и велела собрать сорок сороков серых волков и привести с собою. Волк согнал сорок сороков серых волков. Лиса повела их к царю; как привела, сейчас же вошла в белокаменные палаты и поклонилась царю сороком сороков серых волков от Козьмы Скоробогатого. Царь весьма тому обрадовался, приказал всех волков загнать в ограду и запереть накрепко. А

лисичка бросилась к Кузеньке: прибежала, велела зажарить ещё одну курочку; пообедала сытно и пустилась на заповедные луга и стала кататься по траве.

□Бежит медведь мимо, увидел лисоньку и говорит:

– Эк ведь ты, проклятая хвостомеля, как обтрескалась!

Она отвечает:

– Я была у царя в гостях; нас там было всяких разных зверей, куниц, соболей, видимо-невидимо! Да и теперь ещё остались – пируют волки. Ты знаешь, любезный куманёк, какие они объедали! По сию пору всё обедают.

Мишка и просит:

– Лисонька, не сведёшь ли и меня на царский обед?

Лисичка согласилась и велела ему собрать сорок сороков чёрных медведей:

– Для одного тебя царь-де и беспокоиться не захочет.

Мишка собрал сорок сороков чёрных медведей. Лиса повела их к царю; привела и поклонилась ему со роком сороков чёрных медведей от Козьмы Скоробогатого. Царь тому и рад, приказал загнать их и запереть накрепко. А лисичка отправилась к Кузеньке; прибежала и велела зажарить последнюю курочку с петушком. Кузенька не пожалел, жарил ей последнюю курочку с петушком; лисичка скушала на здоровье и пустилась на заповедные луга и стала валяться по зелёной траве.

□Бежит мимо соболю с куницею и спрашивает:

– Эк ты, лукавая лиса, где так жирно накушалась?

– Ах вы, соболю и куница! Я у царя в превеликом почёте. У него нынче пир и обед на всяких зверей; я что-то порадела, таки много жирного поела; а что зверей на обеде-то было, видимо-невидимо! Только вас там и не доставало. Вы сами знаете волков,

как они завистливы, будто сроду жирного не едали, о сю пору трескают у царя! А про косолапого Мишку и говорить нечего: он потуль ест, что чуть дышит!

Соболь и куница стали лису упрашивать:

– Кумушка, своди ты нас к царю; мы хоть посмотрим.

Лиса согласилась и велела им согнать к себе сорок сороков соболей и куниц. Согнали; лиса привела их во дворец и поклонилась царю сороком сороков соболей и куниц от Козьмы Скоробогатого. Царь не может надивиться богатству Козьмы Скоробогатого, с радостью принял дар и приказал всех зверей перебить и поснимать с них шкуры.

□На другой день лисичка опять прибежала к царю и говорит:

– Ваше царское величество! Козьма Скоробогатый приказал тебе низко кланяться и попросить пудовки^[1]; нужно размеривать серебряны деньги. Свои-то пудовки все запростаны^[2] у него золотом.

Царь без отказа дал лисе пудовку. Она прибежала к Кузеньке и велела мерить пудовкою песок, чтобы высветлить у ней бочок! Как высветлило, она заткнула в заutory^[3] сколько-то мелких денег и понесла назад к царю. Пришла и стала сватать у него прекрасную царевну за Козьму Скоробогатого. Царь не отказывает, велит Козьме совсем изготовиться и приезжать. Поехал Кузенька к царю, а лисичка забежала вперёд и подрядила работников подпилить мостик. Кузенька только что въехал на мостик – мостик вместе с ним и рушился в воду. Лисичка стала кричать:

– Ахти! Пропал Козьма Скоробогатый!

Царь услышал и тотчас же послал людей перехватить Козьму. Вот они перехватили его, переодели в нарядное платье и привели к царю.

□Обвенчался он на царевне и живёт у царя неделю и две.

– Ну, – говорит царь, – пойдём теперь, любезный зять, к тебе в гости.

Козьме делать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поехали. А лисичка отправилась вперёд. Бежала-бежала, глядит: пастухи пасут стадо овец; она спрашивает их:

– Пастухи, пастухи! Чьё стадо пасёте?

Пастухи отвечают:

– Стадо царя Змиулана.

Лисичка начала их учить:

– Сказывайте всем, что это стадо Козьмы Скоробогатого, а не Змиулана-царя; а то едут царь Огонь да царица Маланьица, коли не скажете им, что это стадо Козьмы Скоробогатого, – они всех вас и с овцами-то сожгут и спалят.

Пастухи видят, что дело неминуемое, надо слушаться, и обещаются всякому сказывать про Козьму Скоробогатого, как лиса учила.

□А лисичка пустилась вперёд; видит – пастухи стерегут свиней, и спрашивает:

– Пастухи, пастухи! Чьё стадо пасёте?

– Царя Змиулана.

– Сказывайте, что стадо это Козьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Маланьица; они всех вас сожгут и спалят, коли станете поминать царя Змиулана.

Пастухи согласились. Лиса опять побежала вперёд; добегает до коровьего стада царя Змиулана, потом до конского стада и велит пастухам сказывать, что эти стада Козьмы Скоробогатого, о царе же Змиулане ничего не говорить. Добегает лиса и до стада верблюжьего.

– Пастухи, пастухи! Чьё стадо пасёте?

– Царя Змиулана.

Лиса строго запретила им сказывать о царе Змиулане, а велела говорить, что это стадо Козьмы Скоробогатого; а то царь Огонь и царица Маланьица сожгут и спалят всё стадо!

□Лисонька опять побежала вперёд, прибегает в царство царя Змиулана и прямо в белокаменные палаты.

– Что скажешь, лисонька?

– Ну, царь Змиулан, теперь-то надо скоро-наскоро спрятаться. Едет грозный царь Огонь и царица Маланьица, всё жгут и палят. Стада твои и с пастухами прижгли; сначала овечье, потом свиное, а тут коровье и конское. Я не стала мешкать, пустилась к тебе сказать и чуть от дыма не задохлась!

Царь Змиулан закручинился-запечалился:

– Ах, лисонька, куда же я подеваюсь?

– Есть в твоём саду старый заповедный дуб, середина вся повыгнила; беги и схоронись в дупло, пока они мимо не проедут.

Царь Змиулан вмиг собрался и по сказанному, как по писаному, сделал так, как лиса научила.

□А Козьма Скоробогатый едет себе да едет с женою и тестем. Доезжают они до стада овечьего. Молодая княгиня и спрашивает:

– Пастушки, пастушки, чьё стадо пасёте?

– Козьмы Скоробогатого, – отвечают пастухи. Царь тому и рад:

– Ну, любезный зять, много же у тебя овец.

Едут они дальше, доезжают до стада свиного.

– Пастушки, пастушки, – спрашивает молодая княгиня, – чьё стадо пасёте?

– Козьмы Скоробогатого.

– Ну, любезный зять, много же у тебя свиней.

Едут они всё дальше и дальше; тут пасётся стадо коровье, там конское, а там и верблюжье. Спросят у пастухов:

– Чьё стадо пасёте? – они знай себе отвечают одно: «Козьмы Скоробогатого».

□ Вот приехали к царскому дворцу; лисонька встречает и вводит их в палаты белокаменные. Царь вошёл и задивился: столь хорошо было убрано! Давай пировать, пить-есть и веселиться! Живут они день, живут и неделю.

– Ну, Кузенька, – говорит лисонька, – перестань гулять, надо дело исправлять. Ступай с тестем в зелёный сад; в том саду стоит старый дуб, а в том дубе сидит царь Змиулан – от вас спрятался. Расстреляйте дерево на мелкие части!

Тогда Кузенька по сказанному, как по писаному, пошёл вместе с тестем в зелёный сад, и стали они в тот дуб стрелять и убили царя Змиулана до смерти. Козьма Скоробогатый воцарился в том государстве, и стал он с царевною жить да поживать, и теперь живут – хлеб жуют. Лисоньку всякий день угощали они курочками, и она до тех пор у них гостила, докуда всех кур не испакостила^[4].

[1] – Четверика.

[2] – Заняты, наполнены.

[3] – Утор – вырезка по внутренней поверхности четверика, около края, в которую вставляется ребро дна.

[4] – Извела (переела).

□ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Бухтан Бухтанович

В некотором царстве, в некотором государстве жывал-бывал некто Бухтан Бухтанович; у Бухтана Бухтановича была выстроена среди поля печь на столбах. Он лежит на печи по полулокоть в тараканьем молоке. Приходила к нему лисица и говорила:

– Бухтан Бухтанович, хошь ли, я тебя женю у царя на дочери?

– Что ты, лиска!

– Есть ли у тебя сколько-нибудь денег?

– Да есть: всего один пятак.

– Подай и тот сюда!

Лисица пошла, разменяла пятак на мелкие деньги – на копейки, денежки и полушки; пошла к царю и говорит:

– Царь, вольный человек! Дай четверика, у Бухтана Бухтановича деньги смерить.

Он говорит:

– Возьми.

Она принесла домой; деньгу, копейку запихала за обруч и отнесла к царю и говорит:

– Царь, вольный человек! Четверика мало; дай полмеры, деньги у Бухтана Бухтановича смерить.

– Возьми.

□Она взяла, принесла домой; деньгу, копейку запихала за обруч и отнесла к царю:

– Царь, вольный человек! Полмеры мало, дай меру.

– Возьми меру.

Она взяла, принесла домой и остальное от пятака запихала за обручье и отнесла к царю. Царь говорит:

– Смерила ли, лиска?

Лиска сказала:

– Всё вцел^[1]. Ну, царь, вольный человек! Я пришла к тебе за добрым делом: отдай дочь свою за Бухтана Бухтановича.

– Ну, ладно, покажи же ты мне жениха.

Она побегла домой.

– Бухтан Бухтанович! Есть ли у тебя какое-нибудь платье? Надевай.

Бухтан Бухтанович оболос^[2] и пошёл с лисою к царю. Идут по ряду, и привелось им идти по мостику – грязный такой! Лиска пихнула его, и Бухтан Бухтанович ввалился в грязь. Она прибегла к нему:

– Что ты, что ты, Бухтан Бухтанович?

А сама грязью-то всего его замарала.

– Постой же, Бухтан Бухтанович! Я к царю сбегаю.

□Лиска прибегла к царю и говорит:

– Царь, вольный человек! Мы шли с Бухтаном Бухтановичем по мостику – мостик скверный такой! – мы как-то не постереглись,

ввалились; Бухтан Бухтанович весь замарался; идти-то нехорошо в город; нет ли у тебя платья ежедневного?

– На, возьми.

Лиска побегла. Прибегла.

– Бухтан Бухтанович! На, переоблокись^[3] да пойдём.

Пришли к царю. У царя было уже налажено^[4] на стол. Бухтан Бухтанович никуда не глядит, как на себя, – отроду не видал он такого платья! Царь и моргнул лиске:

– Лиска, что это Бухтан Бухтанович-то никуда не глядит, как на себя?

– Царь, вольный человек! Ему стыдно кажется, что на нем эконо платье; Бухтан Бухтанович эконо платья-то отроду не нашивал дрянного. Царь, вольный человек! Дай ему платье то, которое носишь ты в пасху.

А сама и шепнула Бухтану Бухтановичу:

– Не гляди на себя!

Бухтан Бухтанович опять глядит никуда, что на стул: стул был вызолоченный. Царь шепнул лиске:

– Лиска, что это Бухтан Бухтанович никуда не глядит, что на стул?

– Царь, вольный человек! У их эконо стулья-то по баням много.

Царь хлоп стул за дверь. Лиска шепнула Бухтану Бухтановичу:

– Не гляди в одно место; гляди туды да и́нуды^[5].

Ну, тут стали толковать о добром деле, о сватанье.

□Ну, свадьбу сыграли; долго ли у царя? Ни пива варить, ни вина курить, все готово. Бухтану Бухтановичу три корабля нагрузили,

и поехали домой на кораблях. Едут домой: Бухтан Бухтанович едет на кораблях с женкою, а лиска по´берегу бежит. Бухтан Бухтанович увидел свою печь и скричал:

– Лиска, лиска! Эводе моя-то печь!

– Молчи, Бухтан Бухтанович; стыдно!

Бухтан Бухтанович едет, а лиска наперёд бежит по берегу; прибегла наперёд, вызнялась на угор^[6], стоит на угоре дом каменный пребольшущий, и царство явилось преогромное. Она в избу – нету никого в избе, забегла в палату – в большом углу лежит-протянулся Змей Змеевич, сидит на печном столбе Ворон Воронович, сидит на престоле Кокот Кокотович^[7]. Лиска говорит:

– Что вы тут сидите! Царь идёт с огнем, царица с маланьёй^[8], сожгут и спалят вас.

– Лиска, куда мы?

– Кокот Кокотович, поди ты в бочку!

Лиска заперла в бочку Кокота Кокотовича.

– Ворон Воронович, поди ты в ступу, давай^[9]! Ворона Вороновича в ступу заперла; Змея Змеевича в солому завертела и вынесла на у́лку. Корабли пришли. Лиска приказала в воду свезти всех их; казаки^[10] сейчас свезли в воду.

□Бухтан Бухтанович в тот дом всё житейское своё перевёз, там жил-поживал, добра наживал, царил-властвовал, да там и живот скончал.

[1] – Цело.

[2] – Оделся.

[3] – Переоденься.

[4] – Приготовлено.

[5] – И туда, и сюда.

[6] – Поднялась на гору.

[7] – Кочет Кочетович.

[8] – Молнией.

[9] – «Давай» употребляется в Шенкурском уезде почти в каждой речи: давай-иди туда-то, давай-сделай то-то; давай-возьми у ево.

[10] – Работники, слуги.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Хрустальная гора

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына. Вот дети и говорят ему:

– Милостивый государь батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем.

Отец благословил, и они поехали в разные стороны. Малый сын ездил-ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая^[1] лошадь; около этой падали собралось много всякого зверя, птицы и гаду. Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит:

– Иван-царевич, раздели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать три года, а мы всё спорим, а как поделить – не придумаем.

Царевич слез с своего доброго коня и разделил падаль: зверям – кости, птицам – мясо, кожа – гадам, а голова – муравьям.

– Спасибо, Иван-царевич! – сказал сокол. – За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьём всякий раз, как захочешь.

□Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридешатое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору. Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу:

– Не возьмёт ли ваш государь меня на службу к себе?

– Отчего не взять такого молодца?

Вот он поступил к тому царю на службу и живёт у него неделю, другую и третью. Стала просить царевна:

– Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять.

Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали. Подъезжают к хрустальной горе, вдруг откуда ни возьмись – выскочила золотая коза. Царевич погнался за ней, скакал-скакал, козы не добыл, а воротился назад – и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

□Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришёл во дворец и говорит царю:

– Ваше величество! Найми меня стадо пасти.

– Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трёх головах – дай ему три коровы, коли о шести головах – дай шесть коров, а коли о двенадцати головах – то отсчитывай двенадцать коров.

Иван-царевич погнался стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трёх головах:

– Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сражаться доброму молодцу, а он стадо пасёт! Ну-ка, – говорит, – отгони мне трёх коров!

– Не жирно ли будет? – отвечает царевич. – Я сам в сутки ем по одной уточке; а ты трёх коров захотел... Нет тебе ни одной!

Змей осерчал и вместо трёх захватил шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнал стадо домой.

– Что, дедушка? – спрашивает царь. – Прилетал ли трёхглавый змей, дал ли ему трёх коров?

– Нет, ваше величество, ни одной не дал!

□На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров.

– Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!

Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов. Пригнал домой стадо; царь и спрашивает:

– Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли моё стадо поубавилось?

– Прилетать-то прилетал, да ничего не взял!

Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору; смотрит – в хрустальной горе сидит царевна.

– Здравствуй, – говорит Иван-царевич, – как ты сюда попала?

– Меня унёс змей о двенадцати головах; живёт он на батюшкином озере; в том змее сундук таится, в сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яичко, в яичке – семечко; коли ты убьёшь его да достанешь это семечко, в те поры можно хрустальную гору

известии и меня избавить.

□Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнало стадо. Вдруг прилетает змей о двенадцати головах:

– Эх, Иван-царевич! Не за своё ты дело взялся; чем бы тебе, доброму молодцу, сражаться, а ты стадо пасешь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!

– Жирно будет! Я сам в сутки ем по одной уточке; а ты чего захотел!

Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались – Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашёл сундук; в сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, в яйце – семечко. Взял он семечко, зажёл и поднес к хрустальной горе – гора скоро растаяла. Иван-царевич вывел оттуда царевну и привез её к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу:

– Будь ты моим зятем!

Тут их и обвенчали; на той свадьбе и я был, мёд-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

[1] – Издохшая.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А.

Н. Афанасьев. Иван-царевич и Белый Полянин

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя было три дочери и один сын, Иван-царевич. Царь состарился и помер, а корону принял Иван-царевич. Как узнали про то соседние короли, сейчас собрали несчётные войска и пошли на него войною. Иван-царевич не знает, как ему быть; приходит к своим сёстрам и спрашивает:

– Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Все короли поднялись на меня войною.

– Ах ты, храбрый воин! Чего убоялся? Как же Белый Полянин воет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает? А ты, ничего не видя, испугался!

Иван-царевич тотчас оседлал своего доброго коня, надел на себя сбрую ратную, взял меч-кладенец, копьё долгомерное и плётку шёлковую, помолился богу и выехал против неприятеля; не столько мечом бьёт, сколько конём топчет; перебил всё воинство вражее, воротился в город, лёг спать и спал трое суток беспробудным сном. На четвёртые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле – короли больше того войск собрали и опять под самые стены подступили.

□ Запечалился царевич, идёт к своим сёстрам:

– Ах, сестрицы! Что мне делать? Одну силу истребил, другая под

городом стоит, пуще прежнего грозит.

– Какой же ты воин! Сутки воевал, да трое суток без просыпа спал. Как же Белый Полянин воет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?

Иван-царевич побежал в белокаменные конюшни, оседлал доброго коня богатырского, надел сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копье долгомерное, в другую плётку шёлковую, помолился богу и выехал против неприятеля. Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьёт, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лёг спать и спал непробудным сном шесть суток. На седьмые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле – короли больше того войск собрали и опять весь город обступили.

□Идёт Иван-царевич к сестрам:

– Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Две силы истребил, третья под стенами стоит, ещё пуще грозит.

– Ах ты, храбрый воин! Одни сутки воевал, да шестеро без просыпа спал. Как же Белый Полянин воет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?

Горько показалось то царевичу; побежал он в белокаменные конюшни, оседлал своего доброго коня богатырского, надел на себя сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копье долгомерное, в другую плётку шёлковую, помолился богу и выехал против неприятеля. Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьёт, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лёг спать и спал непробудным сном девять суток. На десятые сутки проснулся, призвал всех министров и сенаторов:

– Господа мои министры и сенаторы! Вздумал я в чужие страны ехать, на Бела Полянина посмотреть; прошу вас судить и рядить,

все дела разбирать в правду.

Затем попрощался с сёстрами, сел на коня и поехал в путь-дорогу.

□ Долго ли, коротко ли – заехал он в тёмный лес; видит – избушка стоит, в той избушке стар человек живёт. Иван-царевич зашёл к нему:

– Здравствуй, дедушка!

– Здравствуй, русский царевич! Куда бог несёт?

– Ищу Белого Полянина; не знаешь ли, где он?

– Сам я не ведаю, а вот подожди, соберу своих верных слуг и спрошу у них.

Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу – и вдруг начали к нему со всех сторон птицы слетаться. Налетело их видимо-невидимо, чёрной тучей всё небо покрыли. Крикнул стар человек громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

– Слуги мои верные, птицы перелётные! Не видали ль, не слышали ль чего про Белого Полянина?

– Нет, видом не видали, слыхом не слышали!

– Ну, Иван-царевич, – говорит стар человек, – ступай теперь к моему старшему брату; может, он тебе скажет. На, возьми клубочек, пусти перед собою; куда клубочек покатится, туда и коня управляй.

Иван-царевич сел на своего доброго коня, покати клубочек и поехал вслед за ним; а лес все темней да темней.

□ Приезжает царевич к избушке, входит в двери; в избушке старик сидит – седой как лунь.

– Здравствуй, дедушка!

– Здравствуй, русский царевич! Куда путь держишь?

– Ищу Белого Полянина; не знаешь ли, где он?

– А вот погоди, соберу своих верных слуг и спрошу у них.

Старик выступил на крылечко; заиграл в серебряную трубу – и вдруг собрались к нему со всех сторон разные звери. Крикнул им громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

– Слуги мои верные, звери прыскучие! Не видали ль, не слышали ль чего про Белого Полянина?

– Нет, – отвечают звери, – видом не видали, слухом не слышали.

– А ну, рассчитайтесь промеж себя; может не все пришли.

Звери рассчитались промеж себя – нет кривой волчицы. Старик послал искать её; тотчас побежали гонцы и привели её.

– Сказывай, кривая волчица, не знаешь ли ты Белого Полянина?

– Как мне его не знать, коли я при нём завсегда живу; он войска побивает, а я мёртвым трупом питаюсь.

– Где же он теперь?

– В чистом поле, на большом кургане, в шатре спит. Воевал он с бабой-ягою золотой ногою, а после бою залёг на двенадцать суток спать.

– Проводи туда Ивана-царевича.

Волчица побежала, а вслед за нею поскакал царевич.

□Приезжает он к большому кургану, входит в шатёр – Белый Полянин крепким сном почивает.

– Вот сёстры мои говорили, что Белый Полянин без роздыху воет, а он на двенадцать суток спать залёг! Не заснуть ли и мне пока?

Подумал-подумал Иван-царевич и лёг с ним рядом. Тут прилетела в шатёр малая птичка, вьётся у самого изголовья и говорит такие слова:

– Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти моего брата Ивана-царевича; не то встанет – сам тебя убьёт!

Иван-царевич вскочил, поймал птичку, оторвал ей правую ногу, выбросил за шатёр и опять лёг возле Белого Полянина. Не успел заснуть, как прилетает другая птичка, вьётся у изголовья и говорит:

– Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти моего брата Ивана-царевича; не то встанет – сам тебя убьёт!

Иван-царевич вскочил, поймал птичку, оторвал ей правое крыло, выбросил её из шатра и опять лёг на то же место. Вслед за тем прилетает третья птичка, вьётся у изголовья и говорит:

– Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти брата моего Ивана-царевича; не то он встанет да тебя убьёт!

Иван-царевич вскочил, изловил ту птичку и оторвал ей клюв; птичку выбросил вон, а сам лёг и крепко заснул.

□ Пришла пора – пробудился Белый Полянин, смотрит – рядом с ним незнамо какой богатырь лежит; схватился за острый меч и хотел было предать его злой смерти, да удержался вовремя. «Нет, – думает, – он наехал на меня на сонного, а меча не хотел кровавить; не честь, не хвала и мне, доброму молодцу, загубить его! Сонный что мёртвый! Лучше разбужу его». Разбудил Ивана-царевича и спрашивает:

– Добрый ли, худой ли человек? Говори: как тебя по имени зовут и зачем сюда заехал?

– Зовут меня Иваном-царевичем, а приехал на тебя посмотреть, твоей силы попытать.

– Больно смел ты, царевич! Без спросу в шатёр вошёл, без

докладу выпался, можно тебя за то смерти предать!

– Эх, Белый Полянин! Не перескочил через ров, да хвастаешь; подожди – может, споткнёшься! У тебя две руки, да и меня мать не с одной родила.

□Сели они на своих богатырских коней, съехались и ударились, да так сильно, что их копыта вдребезги разлетелись, а добрые кони на колени попадали. Иван-царевич вышиб из седла Белого Полянина и занёс над ним острый меч. Взмолился ему Белый Полянин:

– Не дай мне смерти, дай мне живот! Назовусь твоим меньшим братом, вместо отца почитать буду.

Иван-царевич взял его за руку, поднял с земли, поцеловал в уста и назвал своим меньшим братом:

– Слышал я, брат, что ты тридцать лет с бабой-ягой золотой ногою воюешь, за что у вас война?

– Есть у неё дочь-красавица, хочу добыть да жениться.

– Ну, – сказал царевич, – коли дружбу водить, так в беде помогать! Поедем воевать вместе.

□Сели на коней, выехали в чистое поле; баба-яга золотая нога выставила рать-силу несметную. То не ясные соколы налетают на стадо голубиное, напускаются сильномогучие богатыри на войско вражее! Не столько мечами рубят, сколько конями топчут; прирубили, притоптали целые тысячи. Баба-яга наутёк бросилась, а Иван-царевич за ней вдогонку. Совсем было нагонять стал – как вдруг прибежала она к глубокой пропасти, подняла чугунную доску и скрылась под землёю. Иван-царевич и Белый Полянин накупили быков многое множество, начали их бить, кожи сымать да ремни резать; из тех ремней канат свили – да такой длинный, что один конец здесь, а другой на тот свет достанет. Говорит царевич Белому Полянину:

– Опускай меня скорей в пропасть, да назад каната не

вытаскивай, а жди: как я за канат дёрну, тогда и тащи!

Белый Полянин опустил его в пропасть на самое дно. Иван-царевич осмотрелся кругом и пошёл искать бабу-ягу.

□Шёл-шёл, смотрит – за решёткой портные сидят.

– Что вы делаете?

– А вот что, Иван-царевич: сидим да войско шьём для бабы-яги золотой ноги.

– Как же вы шьёте?

– Известно как: что кольнёшь иглою, то и казак с пикою, на лошадь садится, в строй становится и идёт войной на Белого Полянина.

– Эх, братцы! Скоро вы делаете, да не крепко; становитесь-ка в ряд, я вас научу, как крепче шить.

Они тотчас выстроились в один ряд; а Иван-царевич как махнёт мечом, так и полетели головы. Побил портных и пошёл дальше. Шёл-шёл, смотрит – за решёткою сапожники сидят.

– Что вы тут делаете?

– Сидим да войско готовим для бабы-яги золотой ноги.

– Как же вы, братцы, войско готовите?

– А вот как: что шилом кольнём, то и солдат с ружьём, на коня садится, в строй становится и идёт войной на Белого Полянина.

– Эх, ребята! Скоро вы делаете, да не споро. Становитесь-ка в ряд, я вас получше научу.

Вот они стали в ряд; Иван-царевич махнул мечом, и полетели головы. Побил сапожников, и опять в дорогу.

□Долго ли, коротко ли – добрался он до большого прекрасного города; в том городе царские терема выстроены, в тех теремах

сидит де́вица красоты неописанной. Увидала она в окно добра мо́лодца; полюбились ей кудри чёрные, очи соколиные, брови соболиные, ухватки богатырские; зазвала к себе царевича, расспросила, куда и зачем идёт. Он ей сказал, что ищет бабу-ягу золотую ногу́.

– Ах, Иван-царевич, ведь я её дочь; она теперь спит непробудным сном, залегла отдыхать на двенадцать суток.

Вывела его из города и показала дорогу. Иван-царевич пошёл к бабе-яге золотой ноге, застал её сонную, ударил мечом и отрубил ей голову. Голова покатилась и промолвила:

– Бей ещё, Иван-царевич!

– Богатырский удар и один хорош! – отвечал царевич, воротился в терема к красной де́вице, сел с нею за столы дубовые, за скатерти браные. Наелся-напился и стал её спрашивать:

– Есть ли в свете сильнее меня и краше тебя?

– Ах, Иван-царевич! Что я за красавица! Вот как за тридевять земель, в тридесятом царстве живёт у царя-змея королевна, так та подлинно красота несказанная: она только ноги помыла, а я тою водою умылась!

□Иван-царевич взял красную де́вицу за белую руку, привёл к тому месту, где канат висел, и подал знак Белому Полянину. Тот ухватился за канат и давай тянуть; тянул-тянул и вытащил царевича с красной де́вицей.

– Здравствуй, Белый Полянин, – сказал Иван-царевич, – вот тебе невеста; живи, веселись, ни о чём не крушись! А я в змеиное царство поеду.

Сел на своего богатырского коня, попрощался с Белым Полянином и его невестою и поскакал за тридевять земель. Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли – скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается – приехал он в царство змеиное, убил царя-змея, освободил из неволи прекрасную королевну и женился

на ней; после того воротился домой и стал с молодой женою жить-поживать да добра наживать.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Марья Моревна

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали:

– Кто первый за твоих сестёр станет свататься, за того и отдавай – при себе не держи долго!

Царевич похоронил родителей и с горя пошёл с сестрами во зелёный сад погулять.

Вдруг находит на небо туча чёрная, встает гроза страшная.

– Пойдёмте, сестрицы, домой! – говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец – как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцом и говорит:

– Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришёл сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

– Коли люб ты сестрице, я её не унимаю – пусть с Богом идёт!

Марья-царевна согласилась; сокол женился и унёс её в своё царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами – целого года как не бывало; пошёл Иван-царевич с двумя сёстрами во зелёный сад погулять. Опять встаёт туча с вихрем, с молнией.

– Пойдёмте, сестрицы, домой! – говорит царевич. Только пришли во дворец – как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орёл; ударился об пол и сделался добрым молодцом:

– Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришёл сватом.

И посватал он Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич:

– Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идёт; я с неё воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орёл подхватил её и унёс в своё царство.

Прошёл ещё один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

– Пойдём во зелёном саду погуляем!

Погуляли немножко; опять встаёт туча с вихрем, с молнией.

– Вернёмся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть – как ударил гром, раздвоился потолок и влетел ворон; ударился ворон об пол и сделался добрым молодцом: прежние были хороши собой, а этот ещё лучше.

– Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришёл сватом: отдай за меня Анну-царевну.

– Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идёт за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унёс он её в своё государство.

Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестёр, и сделалось ему скучно. «Пойду, говорит, искать сестриц». Собрался в дорогу, шёл, шёл и видит – лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

– Коли есть тут жив человек – отзовись! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

– Всё это войско великое разбила Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева:

– Здравствуй, царевич, куда тебя Бог несёт – по воле аль по неволе?

Отвечал ей Иван-царевич:

– Добрые молодцы по неволе не ездят!

– Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в своё государство; пожилы они вместе сколько-то времени, и вздумалось королеве на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича всё хозяйство и приказывает:

– Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не моги заглядывать!

Он не вытерпел, как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул – а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован. Просит Кощей у Ивана-царевича:

– Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил – совсем в горле пересохло!

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и ещё запросил:

– Мне одним ведром не залить жажды; дай ещё!

Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро – взял свою прежнюю силу, потрянул цепями и сразу все двенадцать порвал.

– Спасибо, Иван-царевич! – сказал Кощей Бессмертный. – Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил её и унёс к себе. А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошёл в путь-дорогу:

– Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!

Идёт день, идёт другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

– Ах, шуринок мой любезный! Как тебя Господь милует?

Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит:

– Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

– Трудно тебе сыскать её, – отвечает сокол. – Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на неё смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошёл в дорогу.

Шёл он день, шёл другой, на рассвете третьего видит дворец ещё лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орёл сидит. Слетел орёл с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцом и закричал:

– Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идёт.

Ольга-царевна тотчас прибежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

– Дольше гостить мне некогда; я иду искать жену мою Марью Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает орёл:

– Трудно тебе сыскать её; оставь у нас серебряную вилку: будем на неё смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошёл в дорогу.

День шёл, другой шёл, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцом и закричал:

– Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идёт.

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

– Прощайте! Пойду жену искать – Марью Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает ворон:

– Трудно тебе сыскать её; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на неё смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошёл в дорогу.

День шёл, другой шёл, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

– Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался – посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?

– Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедem со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!

Собрались и уехали, а Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

– Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

– Иван-царевич приходил, Марью Моревну увёз.

– А можно ли их догнать?

– Можно пшеницы засеять, дождаться, пока она вырастет, сжать

её, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поест, да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

– Ну, говорит, первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись – на куски изрублю!

Отнял у него Марью Моревну и увёз; а Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною; Кощей Бессмертного дома не случилось.

– Поедем, Марья Моревна!

– Ах, Иван-царевич! Он нас догонит.

– Пускай догонит; мы хоть часок-другой проведём вместе.

Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

– Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгону?

– Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

– А можно ли догнать их?

– Можно ячменю насеять, подождать, пока он вырастет, сжать, смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выпасться, да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

– Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны как ушей своих!

Отнял её и увёз к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; на пору Кощей дома не случилось.

– Поедем, Марья Моревна!

– Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит.

– Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу.

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

– Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

– Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклат в смолёную бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увёз.

В то самое время у зятьёв Ивана-царевича серебро почернело.

– Ах, – говорят они, – видно, беда приключилась!

Орел бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мёртвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склади, как надобно. Ворон брызнул мёртвой водою – тело срослось, съединилось; сокол брызнул живой водою – Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

– Ах, как я долго спал!

– Ещё бы дольше проспал, если б не мы! – отвечали зятья. – Пойдем теперь к нам в гости.

– Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

– Разузнай у Кощей Бессмертного, где он достал себе такого

доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощей выпрашивать. Кощей сказал:

– За тридевять земель в тридесятом царстве, за огненной рекою живёт баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за это баба-яга дала мне одного жеребёночка.

– Как же ты через огненную реку переправился?

– А у меня есть такой платок – как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошёл к бабе-яге.

Долго шёл он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыи детками. Иван-царевич говорит:

– Съем-ка я одного цыплёночка.

– Не ешь, Иван-царевич! – просит заморская птица. – В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошёл он дальше; видит в лесу улей пчёл.

– Возьму-ка я, – говорит, – сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

– Не тронь моего мёду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошёл дальше; попадает ему навстречу львица со

львёнком.

– Съем я хоть этого львёнка; есть так хочется, ажно тошно стало!

– Не тронь, Иван-царевич, – просит львица. – В некоторое время я тебе пригожусь.

– Хорошо, пусть будет по-твоему!

Побрёл голодный, шёл, шёл – стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечесьей голове, только один незанятый.

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, Иван-царевич! Пошто пришёл – по своей доброй воле аль по нужде?

– Пришёл заслужить у тебя богатырского коня.

– Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасёшь моих кобылиц – дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся – торчат твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился; баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул. Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его:

– Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, воротился домой; а баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

– Зачем вы домой воротились?

– Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего

света, чуть нам глаза не выклевали.

– Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич; наутро баба-яга ему говорит:

– Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь – быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал-плакал, да и уснул. Солнышко село за лес; прибежала львица:

– Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошёл домой; баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

– Зачем домой воротились?

– Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

– Ну, вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич; наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

– Если не упасёшь – быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

– Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротись домой, бабе-яге на глаза не показывайся, пойдя в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребёнок – в навозе валяется; ты украдь его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улёгся за яслями; баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

– Зачем воротились?

– Как же нам было не воротиться? Налетело пчёл видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!

Баба-яга уснула, а самую полночь Иван-царевич украл у неё паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону – и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост. Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза – остался через реку мост тоненький-тоненький! Поутру пробудилась баба-яга – паршивого жеребёнка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает. Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!» Поехала по мосту, только добралась до середины – мост обломился, и баба-яга чебурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась! Иван-царевич откормил жеребёнка в зелёных лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею:

– Как тебя Бог сохранил?

– Так и так, говорит. Поедем со мной.

– Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.

– Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали. Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

– Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую

невзгоду?

– Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увёз.

– А можно ли их догнать?

– Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

– Нет, не утерплю, – говорит Кощей Бессмертный, – поеду в погоню.

Долго ли, коротко ли – нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей; в те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и размозил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того наклал царевич груды дров, развёл огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кошеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

– Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всём свете поискать – другой не найти!

Погостили они, попиروвали и поехали в своё царство; приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Кощей Бессмертный

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя было три сына, все они были на возрасте. Только мать их вдруг унёс Кош Бессмертный. Старший сын и просит у отца благословенье искать мать. Отец благословил; он уехал и без вести пропал. Средний сын пождал-пождал, тоже выпросился у отца, уехал, – и тот без вести пропал. Малый сын, Иван-царевич, говорит отцу:

– Батюшка! Благословляй меня искать матушку.

Отец не отпускает, говорит:

– Тех нет братовей, да и ты уедешь: я с кручины умру!

– Нет, батюшка, благословишь – поеду, и не благословишь – поеду.

Отец благословил.

□Иван-царевич пошёл выбирать себе коня: на которого руку

положит, тот и падёт; не мог выбрать себе коня, идёт дорогой по городу, повесил голову. Неоткуда взялась старуха, спрашивает:

– Что, Иван-царевич, повесил голову?

– Уйди, старуха! На руку положу, другой пришлёпну – мокренько будет.

Старуха обежала другим переулком, идёт опять навстречу, говорит:

– Здравствуй, Иван-царевич! Что повесил голову?

Он и думает:

– Что же старуха меня спрашивает? Не поможет ли мне она?

И говорит ей:

– Вот, баушка, не могу найти себе доброго коня.

– Дурашка, мучишься, а старухе не кучишься^[1]! – отвечает старуха. – Пойдём со мной.

Привела его к горе, указала место:

– Скапывай эту землю.

Иван-царевич скопал, видит чугунную доску на двенадцати замках; замки он тотчас же сорвал и двери отворил, вошёл под землю: тут прикован на двенадцати цепях богатырский конь; он, видно, услышал ездока по себе, заржал, забился, все двенадцать цепей порвал. Иван-царевич надел на себя богатырские доспехи, надел на коня узду, черкасское^[2] седло, дал старухе денег и сказал:

– Благословляй и прощай, баушка!

Сам сел и поехал.

□ Долго ездил, наконец доехал до горы; преобладающая гора, крутая, взехать на неё никак нельзя. Тут и братья его ездят возле горы; поздоровались, поехали вместе; доезжают до чугунного камня пудов в полтораста, на камне надпись: кто этот камень бросит на гору, тому и ход будет. Старшие братья не могли поднять камень, а Иван-царевич с одного маху забросил на гору – и тотчас в горе показалась лестница. Он оставил коня, наточил^[3] из мизинца в стакан крови, подаёт братьям и говорит:

– Ежели в стакане кровь почернеет, не ждите меня: значит – я умру!

Простился и пошёл. Зашёл на гору; чего он не насмотрелся! Всяки тут леса, всяки ягоды, всяки птицы!

□ Долго шёл Иван-царевич, дошёл до дому: огромный дом! В нём жила царская дочь, утащена Кошом Бессмертным. Иван-царевич кругом ограды ходит, а дверей не видит. Царская дочь увидела человека, вышла на балкон, кричит ему:

– Тут, смотри, у ограды есть щель, потрешь её мизинцем, и будут двери.

Так и сделалось. Иван-царевич вошёл в дом. Девица его приняла, напоила-накормила и расспросила. Он ей рассказал, что пошёл доставать мать от Коша Бессмертного. Девица говорит ему на это:

– Трудно достать мать, Иван-царевич! Он ведь бессмертный – убьёт тебя. Ко мне он часто ездит... вон у него меч в пятьсот пудов, поднимешь ли его? Тогда ступай!

Иван-царевич не только поднял меч, ещё бросил кверху; сам пошёл дальше.

□ Приходит к другому дому; двери знает как искать; вошёл в дом, а тут его мать, обнялись, поплакали. Он и здесь испытал свои силы, бросил какой-то шарик в полторы тысячи пудов. Время приходит быть Кошу Бессмертному; мать спрятала его. Вдруг Кош

Бессмертный входит в дом и говорит:

– Фу-фу! Русской коски слыхом не слышать, видом не видать, а русская коска сама на двор пришла! Кто у тебя был? Не сын ли?

– Что ты, бог с тобой! Сам летал по Руси, нахватался русского духу, тебе и мерещится, – ответила мать Ивана-царевича, а сама поближе с ласковыми словами к Кошу Бессмертному, спрашивает то-другое и говорит:

– Где же у тебя смерть, Кош Бессмертный?

– У меня смерть, – говорит он, – в таком-то месте: там стоит дуб, под дубом ящик, в ящике заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце моя смерть.

Сказал это Кош Бессмертный, побыл немного и улетел.

□ Пришло время – Иван-царевич благословился у матери, отправился по смерть Коша Бессмертного. Идёт дорогой много время, не пивал, не едал, хочет есть до смерти и думает: кто бы на это время попался! Вдруг – волчонок; он хочет его убить. Выскакивает из норы волчиха и говорит:

– Не тронь моего детища; я тебе пригожусь.

– Быть так!

Иван-царевич отпустил волка; идёт дальше, видит ворону^[4]. «Постой, – думает, – здесь я закушу!» Зарядил ружьё, хочет стрелять; ворона и говорит:

– Не тронь меня; я тебе пригожусь.

Иван-царевич подумал и отпустил ворону; идёт дальше, доходит до моря, остановился на берегу. В это время вдруг взметался щучонок и выпал на берег; он его схватил, есть хочет смертно – думает: «Вот теперь поем!» Неоткуда взялась щука, говорит:

– Не тронь, Иван-царевич, моего детища; я тебе пригожусь.

Он и щучонка отпустил.

□Как пройти море? Сидит на берегу да думает; щука ровно знала его думу, легла поперёк моря. Иван-царевич прошёл по ней как по мосту; доходит до дуба, где была смерть Коша Бессмертного, достал ящик, отворил – заяц выскочил и побежал. Где тут удержать зайца! Испугался Иван-царевич, что отпустил зайца, призадумался, а волк, которого не убил он, кинулся за зайцем, поймал и несёт к Ивану-царевичу. Он обрадовался, схватил зайца, распорол его и как-то оробел: утка спорхнула и полетела. Он пострелял, пострелял – мимо! Задумался опять. Неоткуда взялась ворона с воронятами и ступай за уткой, поймала утку, принесла Ивану-царевичу. Царевич обрадел^[5], достал яйцо; пошёл, доходит до моря, стал мыть яичко, да и ронил в воду. Как достать из моря? Безмерна глубь! Закручинился опять царевич. Вдруг море встрепенулось – и щука принесла ему яйцо; потом легла поперёк моря. Иван-царевич прошёл по ней и отправился к матери; приходит, поздоровались, и она его опять спрятала. В то время прилетел Кош Бессмертный и говорит:

– Фу-фу! Русской коски слыхом не слышать, видом не видать, а здесь Русью несёт!

– Что ты, Кош? У меня никого нет, – отвечала мать Ивана-царевича.

Кош опять и говорит:

– Я что-то немогу^[6]!, а Иван-царевич пожимал яичко; Коша Бессмертного от того коробило.

Наконец Иван-царевич вышел, кажет яйцо и говорит:

– Вот, Кош Бессмертный, твоя смерть!

Тот на коленки против него и говорит:

– Не бей меня, Иван-царевич, станем жить дружно; нам весь мир

будет покорен.

Иван-царевич не обольстился его словами, раздавил яичко – и Кош Бессмертный умер.

□Взяли они, Иван-царевич с матерью, что было нужно, пошли на родиму сторону: по пути зашли за царской дочерью, к которой Иван-царевич заходил вперёд, взяли и её с собой; пошли дальше, доходят до горы, где братья Ивана-царевича всё ждут. Девушка говорит:

– Иван-царевич! Воротись ко мне в дом; я забыла подвенечно платье, брильянтовый перстень и нешитые башмаки.

Между тем он спустил мать и царску дочь, с коей они условились дома обвенчаться; братья приняли их, да взяли спуск и перерезали, чтобы Ивану-царевичу нельзя было спуститься, мать и девушку как-то угрозами уговорили, чтобы дома про Ивана-царевича не сказывали. Прибыли в своё царство; отец обрадовался детям и жене, только печалился об одном Иване-царевиче.

□А Иван-царевич воротился в дом своей невесты, взял обручальный перстень, подвенечное платье и нешитые башмаки; приходит на гору, метнул с руки на руку перстень. Явилось двенадцать молодцов, спрашивают:

– Что прикажете?

– Перенесите меня вот с этой горы.

Молодцы тотчас его спустили. Иван-царевич надел перстень – их не стало; пошёл в своё царство, приходит в тот город, где жил его отец и братья, остановился у одной старушки и спрашивает:

– Что, баушка, нового в вашем царстве?

– Да чего, дитячко! Вот наша царица была в плену у Коша Бессмертного; её искали три сына, двое нашли и воротились, а третьего, Ивана-царевича, нет, и не знат, где. Царь кручинится

об нём. А эти царевичи с матерью привезли какую-то царскую дочь, большак жениться на ней хочет, да она посылает наперёд куда-то за обручальным перстнем или велит сделать такое же кольцо, какое ей надо; колдася^[7] уж кличут клич, да никто не выискивается.

– Ступай, баушка, скажи царю, что ты сделаешь; а я пособлю, – говорит Иван-царевич.

□Старуха в кою пору скрутилась^[8], побежала к царю и говорит:

– Ваше царско величество! Обручальный перстень я сделаю.

– Сделай, сделай, баушка! Мы таким людям рады, – говорит царь, – а если не сделаешь, то голову на плаху.

Старуха перепугалась, пришла домой, заставляет Ивана-царевича делать перстень, а Иван-царевич спит, мало думает; перстень готов. Он шутит над старухой, а старуха трясётся вся, плачет, ругат его:

– Вот ты, – говорит, – сам-от в стороне, а меня, дуру, подвёл под смерть.

Плакала-плакала старуха и уснула. Иван-царевич встал поутру рано, будит старуху:

– Вставай, баушка, да ступай понеси перстень, да смотри: больше одного червонца за него не бери. Если спросят, кто сделал перстень, скажи: сама; на меня не сказывай!

Старуха обрадовалась, снесла перстень; невесте понравился:

– Такой, – говорит, – и надо!

Вынесла ей полно блюдо золота; она взяла один только червонец. Царь говорит:

– Что, баушка, мало берешь?

– На что мне много-то, ваше царско величество! После понадобятся – ты же мне дашь.

Пробаяла это старуха и ушла.

□Прошло там сколько время – вести носят, что невеста посылает жениха за подвенечным платьем или велит сшить такое же, како ей надо. Старуха и тут успела (Иван-царевич помог), снесла подвенечное платье. После снесла нешитые башмаки, а червонцев брала по одному и сказывала: эти вещи сама делает. Слышат люди, что у царя в такой-то день свадьба; дождались и того дня. А Иван-царевич старухе заказал:

– Смотри, баушка, как невесту привезут под венец, ты скажи мне.

Старуха время не пропустила. Иван-царевич тотчас оделся в царское платье, выходит:

– Вот, баушка, я какой!

Старуха в ноги ему.

– Батюшка, прости, я тебя ругала!

– Бог простит.

Приходит в церковь. Брата его ещё не было. Он стал в ряд с невестой; их обвенчали и повели во дворец. На дороге попадается навстречу жених, большой брат, увидал, что невесту ведут с Иваном-царевичем, ступай-ка со стыдом обратно. Отец обрадовался Ивану-царевичу, узнал о лукавстве братьев и, как отпировали свадьбу, больших сыновей разослал в ссылку, а Ивана-царевича сделал наследником.

[1] – До-кучать; на-с-кучать.

[2] – Черкесское седло – тип седла. (прим. редактора Викитеки)

[3] – Точить – устар. то же, что источать, изливать. (прим.

редактора Википедии)

[4] – Вороницу.

[5] – Радеть – радоваться чему-либо.

[6] – Я что-то нездоров; немога – болезнь; немощный – больной.

[7] – Когда.

[8] – Крутиться – одеваться, собираться.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Два Ивана солдатских сына

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. Пришло время – записали его в солдаты; оставляет он жену беременную, стал с нею прощаться и говорит:

– Смотри, жена, живи хорошенько, добрых людей не смеси, домишка не разори, хозяйничай да меня жди; авось бог даст – выйду в отставку, назад приду. Вот тебе пятьдесят рублёв; дочку ли, сына ли родишь – всё равно сбереги деньги до возрасту: станешь дочь выдавать замуж – будет у ней приданое;

а коли бог сына даст да войдёт он в большие года – будет и ему в тех деньгах подспорье немалое.

Попрощался с женою и пошёл в поход, куда было велено. Месяца три погодя родила баба двух близнецов-мальчиков и назвала их Иванами солдатскими сыновьями.

□Пошли мальчики в рост; как пшеничное тесто на опаре, так кверху и тянутся. Стукнуло ребятам десять лет, отдала их мать в науку; скоро они научились грамоте, и боярских и купеческих детей за пояс заткнули – никто лучше их не сумеет ни прочесть, ни написать, ни ответу дать. Боярские и купеческие дети позавидовали и давай тех близнецов каждый день поколачивать да пощипывать. Говорит один брат другому:

– Долго ли нас колотить да щипать будут? Матушка и то на нас платица не нашьётся, шапочек не накупится; что ни наденем, всё товарищи в клочки изорвут! Давай-ка расправляться с ними по-своему.

И согласились они друг за друга стоять, друг друга не выдавать. На другой день стали боярские и купеческие дети задирать их, а они – полно терпеть! – как пошли сдачу давать: тому глаз долой, тому руку вон, тому голову на´сторону! Всех до единого перебили. Тотчас прибежали караульные, связали их, добрых молодцев, и посадили в острог. Дошло то дело до самого царя; он призвал тех мальчиков к себе, расспросил про всё и велел их выпустить.

– Они, – говорит, – не виноваты: на зачинщиков бог!

□Выросли два Ивана солдатские дети и просят у матери:

– Матушка, не осталось ли от нашего родителя каких денег? Коли остались, дай нам; мы пойдём в город на ярмарку, купим себе по доброму коню.

Мать дала им пятьдесят рублёв – по двадцати пяти на брата, и приказывает:

– Слушайте, детушки! Как пойдёте в город, отдавайте поклон всякому встречному и поперечному.

– Хорошо, родимая!

Вот отправились братья в город, пришли на конную, смотрят – лошадей много, а выбрать не из чего; все не под стать им, добрым молодцам! Говорит один брат другому:

– Пойдём на другой конец площади; глядь-ка, что народу там толпится – видимо-невидимо!

Пришли туда, протолпились – у дубовых столбов стоят два жеребца, на железных цепях прикованы: один на шести, другой на двенадцати; рвутся кони с цепей, удила кусают, роют землю копытами. Никто подойти к ним близко не сможет.

– Что твоим жеребцам цена будет? – спрашивает Иван солдатский сын у хозяина.

– Не с твоим, брат, носом соваться сюда! Есть товар, да не по тебе; нечего и спрашивать.

– Почём знать, чего не ведаешь; может, и купим; надо только в зубы посмотреть.

Хозяин усмехнулся:

– Смотри, коли головы не жаль!

Тотчас один брат подошёл к тому жеребцу, что на шести цепях был прикован, а другой брат – к тому, что на двенадцати цепях держался. Стали было в зубы смотреть – куда! Жеребцы поднялись на дыбы, так и храпят... Братья ударили их коленками в грудь – цепи разлетелись, жеребцы на пять сажен отскочили, вверх ногами попадали.

– Она чем хвастался! Да мы этаких клячей и даром не возьмём.

Народ ахает, дивуется: что за сильные богатыри проявились! Хозяин чуть не плачет: жеребцы его поскакали за город и давай

разгуливать по всему чистому полю; приступить к ним никто не решается, как поймать – никто не придумает. Сжалились над хозяином Иваны солдатские дети, вышли в чистое поле, крикнули громким голосом, молодецким посвистом – жеребцы прибежали и стали на месте словно вкопанные; тут надели на них добрые мо́дцы цепи железные, привели их к столбам дубовым и приковали крепко-накрепко. Справили это дело и пошли домой.

□Идут путём-дорогою, а навстречу им седой старичок; позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо не здороваясь, да уж после один спохватился:

– Ах, братец, что ж это мы наделали? Старичку поклона не отдали; давай нагоним его да поклонимся.

Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются в пояс и говорят:

– Прости нас, дедушка, что прошли не здороваясь. Нам матушка строго наказывала: кто б на пути ни встретился, всякому честь отдавать.

– Спасибо, добрые мо́дцы! Куда вас бог носил?

– В город на ярмарку ходили; хотели купить себе по доброму коню, да таких нет, чтоб нам пригодились.

– Как же быть? Нешто подарить вам по лошадке?

– Ах, дедушка, если подаришь, станем за тебя вечно бога молить.

– Ну пойдёмте!

Привёл их старик к большой горе, отворяет чугунную дверь и выводит богатырских коней:

– Вот вам и кони, добрые мо́дцы! Ступайте с богом, владейте на здоровье!

Они поблагодарили, сели верхом и поскакали домой; приехали на двор, привязали коней к столбу и вошли в избу. Начала мать

спрашивать:

– Что, детушки, купили себе по лошадке?

– Купить не купили, даром получили.

– Куда ж вы их дели?

– Возле избы поставили.

– Ах, детушки, смотрите – не увёл бы кто!

– Нет, матушка, не таковские кони: не то что увести, и подойти к ним нельзя!

Мать вышла, посмотрела на богатырских коней и залилась слезами:

– Ну, сынки, верно вы не кормильцы мне.

□На другой день просятся сыновья у матери:

– Отпусти нас в город, купим себе по сабельке.

– Ступайте, родимые!

Они собрались, пошли на кузницу; приходят к мастеру.

– Сделай, – говорят, – нам по сабельке.

– Зачем делать! Есть готовые; сколько угодно – берите!

– Нет, брат, нам такие сабли надобны, чтоб по триста пудов весили.

– Эх, что выдумали! Да кто ж этакую махину ворочать будет? Да и горна такого во всём свете не найдёшь!

Нечего делать – пошли добрые мо́лодцы домой и головы повесили; идут путём-дорогою, а навстречу им опять тот же старичок попадается.

– Здравствуйте, молодые юноши!

– Здравствуй, дедушка!

– Куда ходили?

– В город, на кузницу; хотели купить себе по сабельке, да таких нет, чтоб нам по руке пришлись.

– Плохо дело! Нешто подарить вам по сабельке?

– Ах, дедушка, коли подаришь, станем за тебя вечно бога молить.

Старичок привёл их к большой горе, отворил чугунную дверь и вынес две богатырские сабли. Они взяли сабли, поблагодарили старика, и радостно, весело у них на душе стало! Приходят домой, мать спрашивает:

– Что, детушки, купили себе по сабельке?

– Купить не купили, даром получили.

– Куда ж вы их дели?

– Возле избы поставили.

– Смотрите, как бы кто не унёс!

– Нет, матушка, не то что унести, даже увезти нельзя.

Мать вышла на двор, глянула – две сабли тяжёлые, богатырские к стене приставлены, едва избушка держится! Залилась слезами и говорит:

– Ну, сынки, верно вы не кормильцы мне.

□ Наутро Иваны солдатские дети оседлали своих добрых коней, взяли свои сабли богатырские, приходят в избу, богу молятся, с родной матерью прощаются:

– Благослови нас, матушка, в путь-дорогу дальнюю.

– Будь над вами, детушки, моё нерушимое родительское

благословение! Поезжайте с богом, себя покажите, людей посмотрите; напрасно никого не обижайте, а злым врагам не уступайте.

– Не бойся, матушка! У нас такая поговорка есть: еду – не свищу, а наеду – не спущу!

Сели добрые молодцы на коней и поехали.

□Близко ли, далеко, долго ли, коротко, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, приезжают они на распутье, и стоят там два столба. На одном столбу написано: «Кто вправо поедет, тот царём будет»; на другом столбу написано: «Кто влево поедет, тот убит будет». Остановились братья, прочитали надписи и призадумались; куда кому ехать? Коли обоим по правой дороге пуститься – не честь, не хвала богатырской их силе, молодецкой удали; ехать одному влево – никому помереть не хочется! Да делать-то нечего – говорит один из братьев другому:

– Ну, братец, я посильнее тебя; давай я поеду влево да посмотрю, от чего может мне смерть приключиться? А ты поезжай направо: авось бог даст – царём сделаешься!

Стали они прощаться, дали друг дружке по платочку и положили такой завет: ехать каждому своею дорогою, по дороге столбы ставить, на тех столбах про себя писать для зная, для ведома; всякое утро утирать лицо братниным платком: если на платке кровь окажется – значит, брату смерть приключилась; при такой беде ехать мёртвого разыскивать.

□Разъехались добрые молодцы в разные стороны. Что вправо коня пустил, тот добрался до славного царства. В этом царстве жил царь с царицею, у них была дочь царевна Настасья Прекрасная. Увидал царь Ивана солдатского сына, полюбил его за удаль богатырскую и, долго не думая, отдал за него свою дочь в супружество, назвал его Иваном-царевичем и велел ему управлять всем царством. Живёт Иван-царевич в радости, своей женою любит, царству порядок даёт да звериной охотой тешится.

□В некое время стал он на охоту собираться, на коня сбрую накладывать и нашёл в седле – два пузырька с целющей и живущей водою зашиты; посмотрел на те пузырьки и положил опять в седло. «Надо, – думает, – поберечь до поры до времени; не ровен час – понадобятся».

□А брат его Иван солдатский сын, что левой дорогой поехал, день и ночь скакал без устали; прошёл месяц, и другой, и третий, и прибыл он в незнакомое государство – прямо в столичный город. В том государстве печаль великая; дома́ чёрным сукном покрыты, люди словно сонные шатаются. Нанял себе самую худую квартиру у бедной старушки и начал её выпрашивать:

– Расскажи, бабушка, отчего так в вашем государстве весь народ припечалился и все дома́ чёрным сукном завешены?

– Ах, добрый мо́лодец! Великое горе нас обуяло; каждый день выходит из синего моря, из-за серого камня, двенадцатиглавый змей и поедает по человеку за единый раз, теперь дошла очередь до царя... Есть у него три прекрасные царевны; вот только сейчас повезли старшую на взморье – змею на съедение.

□Иван солдатский сын сел на коня и поскакал к синему морю, к серому камню; на берегу стоит прекрасная царевна – на железной цепи прикована. Увидала витязя и говорит ему:

– Уходи отсюда, добрый мо́лодец! Скоро придёт сюда двенадцатиглавый змей; я пропаду, да и тебе не миновать смерти: съест тебя лю́тый змей!

– Не бойся, красная де́вица, авось подавится.

Подошёл к ней Иван солдатский сын, ухватил цепь богатырской рукою и разорвал на мелкие части, словно гнилую бечёвку; после прилёг красной де́вице на колени:

– Ну-ка поищи у меня в голове! Не столько в голове ищи, сколько на́ море смотри: как только туча взойдёт, ветер зашумит, море всколыхается – тотчас разбуди меня, мо́лодца.

Красная де́вица послушалась, не столько в голове ему ищет, сколько на́ море смотрит.

□Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось – из синя моря змей выходит, в гору вверх подымается. Царевна разбудила Ивана солдатского сына; он встал, только на коня вскочил, а уж змей летит:

– Ты, Иванушка, зачем пожаловал? Ведь здесь моё место! Прощайся теперь с белым светом да полезай поскорее сам в мою глотку – тебе ж легче будет!

– Врёшь, проклятый змей! Не проглотишь – подавишься! – отвечал богатырь, обнажил свою острую саблю, размахнулся, ударил и срубил у змея все двенадцать голов; поднял серый камень, головы положил под камень, туловище в море бросил, а сам воротился домой к старухе, наелся-напился, лёг спать и проспал трое суток.

□В то время призвал царь водовоза.

– Ступай, – говорит, – на взморье, собери хоть царевнины косточки.

Водовоз приехал к синему морю, видит – царевна жива, ни в чём невреждена, посадил её на телегу и завёз в густой, дремучий лес; завёз в лес и давай нож точить.

– Что ты делать собираешься? – спрашивает царевна.

– Я нож точу, тебя резать хочу!

Царевна заплакала:

– Не режь меня; я тебе никакого худа не сделала.

– Скажи отцу, что я тебя от змея избавил, так помилую!

Нечего делать, согласилась. Приехала во дворец; царь обрадовался и пожаловал того водовоза полковником.

□ Вот как проснулся Иван солдатский сын, позвал старуху, даёт ей денег и просит:

– Поди-ка, бабушка, на рынок, закупи, что надобно, да послушай, что промеж людьми говорится: нет ли чего нового?

Старуха сбегала на рынок, закупила разных припасов, послушала людских вестей, воротилась назад и сказывает:

– Идёт в народе такая молва: был-де у нашего царя большой обед, сидели за столом королевичи и посланники, бояре и люди именитые; в те поры прилетела в окно каленая стрела и упала посеред зала, к той стреле было письмо привязано от другого змея двенадцатиглавого. Пишет змей: коли не вышлешь ко мне среднюю царевну, я твоё царство огнем сожгу, пеплом развею. Нынче же повезут её, бедную, к синему морю, к серому камню.

□ Иван солдатский сын сейчас оседлал своего доброго коня, сел и поскакал на взморье. Говорит ему царевна:

– Ты зачем, добрый молодец? Пушай моя очередь смерть принимать, горячую кровь проливать; а тебе за что пропадать?

– Не бойся, красная девица! Авось бог спасёт.

Только успел сказать, летит на него лютый змей, огнём палит, смертью грозит. Богатырь ударил его острой саблей и отсек все двенадцать голов; головы положил под камень, туловище в море кинул, а сам домой вернулся, наелся-напился и опять залёг спать на три дня, на три ночи.

□ Приехал опять водовоз, увидел, что царевна жива, посадил её на телегу, повёз в дремучий лес и принялся нож точить. Спрашивает царевна:

– Зачем ты нож точишь?

– А я нож точу, тебя резать хочу. Присягни на том, что скажешь отцу, как мне надобно, так я тебя помилую.

Царевна дала ему клятву; он привез её во дворец; царь возрадовался и пожаловал водовоза генеральским чином.

□Иван солдатский сын пробудился от сна на четвёртые сутки и велел старухе на рынок пойти да вестей послушать. Старуха сбегала на рынок, воротилась назад и рассказывает:

– Третий змей проявился, прислал к царю письмо, а в письме требует: вывози-де меньшую царевну на съедение.

Иван солдатский сын оседлал своего доброго коня, сел и поскакал к синю морю. На берегу стоит прекрасная царевна, на железной цепи к камню прикована. Богатырь ухватил цепь, потряхнул и разорвал, словно гнилую бечёвку; после прилёг красной девице на колени:

– Поищи у меня в голове! Не столько в голове ищи, сколько на́ море смотри: как только туча взойдёт, ветер зашумит, море всколыхается – тотчас разбуди меня, мо́лодца.

Царевна начала ему в голове искать...

□Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось – из синя моря змей выходит, в гору подымается. Стала царевна будить Ивана солдатского сына, толкала-толкала, нет – не просыпается; заплакала она слёзно, и канула горячая слеза ему на́ щеку; от того богатырь проснулся, подбежал к своему коню, а добрый конь уж на пол-аршина под собой земли выбил копытами. Летит двенадцатиглавый змей, огнём так и пышет; взглянул на богатыря и воскликнул:

– Хорош ты, пригож ты, добрый мо́лодец, да не быть тебе живому; съем тебя и с косточками!

– Врешь, проклятый змей, подавишься.

Начали они биться смертным боем; Иван солдатский сын так быстро и сильно махал своей саблей, что она докрасна раскалилась, нельзя в руках держать! Возмолился он царевне:

– Спасай меня, красная дэвица! Сними с себя дорогой платочек, намочи в синем море и дай обернуть саблю.

Царевна тотчас намочила свой платочек и подала доброму моладцу. Он обернул саблю и давай рубить змея; срубил ему все двенадцать голов, головы те под камень положил, туловище в море бросил, а сам домой поскакал, наелся-напился и залёг спать на трои сутки.

□Царь посылает опять водовоза на взморье; приехал водовоз, взял царевну и повёз в дремучий лес; вынул нож и стал точить.

– Что ты делаешь? – спрашивает царевна.

– Нож точу, тебя резать хочу! Скажи отцу, что я змея победил, так помилую.

Устрашил красную дэвицу, поклялась говорить по его словам. А меньшая дочь была у царя любимая; как увидел её живую, ни в чём невредимую, он пуще прежнего возрадовался и захотел водовоза жаловать – выдать за него замуж меньшую царевну.

□Пошёл про то слух по всему государству. Узнал Иван солдатский сын, что у царя свадьба затевается, и пошёл прямо во дворец, а там пир идёт, гости пьют и едят, всякими играми забавляются. Меньшая царевна глянула на Ивана солдатского сына, увидала на его сабле свой дорогой платочек, выскочила из-за стола, взяла его за руку и стала отцу доказывать:

– Государь-батюшка! Вот кто избавил нас от змея лютого, от смерти напрасная; а водовоз только знал нож точить да приговаривать: я-де нож точу, тебя резать хочу!

Царь разгневался, тут же приказал водовоза повесить, а царевну выдал замуж за Ивана солдатского сына, и было у них веселье великое. Стали молодые жить-поживать да добра наживать.

□Пока все это деялось, с братом Ивана солдатского сына – с Иваном-царевичем вот что случилось. Поехал он раз на охоту и попался ему олень быстроногий. Иван-царевич ударил по лошади и

пустился за ним в погоню; мчался-мчался и выехал на широкий луг. Тут олень с глаз пропал. Смотрит царевич и думает, куда теперь путь направить? Глядь – на том лугу ручеёк протекает, на воде две серые утки плавают. Прицелился он из ружья выстрелил и убил пару уток; вытащил их из воды, положил в сумку и поехал дальше. Ехал-ехал, увидел белокаменные палаты, слез с лошади, привязал её к столбу и пошёл в комнаты. Везде пусто – нет ни единого человека, только в одной комнате печь топится, на шестке стоит сковородка, на столе прибор готов: тарелка, и вилка, и нож. Иван-царевич вынул из сумки уток, ощипал, вычистил, положил на сковородку и сунул в печку; зажарил, поставил на стол, режет да кушает.

□Вдруг откуда ни возьмись – является к нему красная дёвица – такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать, и говорит ему:

– Хлеб-соль, Иван-царевич!

– Милости просим, красная дёвица! Садись со мной кушать.

– Я бы села с тобой, да боюсь: у тебя конь волшебный.

– Нет, красная дёвица, не узнала! Мой волшебный конь дома остался, я на простом приехал.

Как услышала это красная дёвица, тотчас начала дуться, надулась и сделалась страшною львицею, разинула пасть и проглотила царевича целиком. Была то не простая дёвица, была то родная сестра трёх змеев, что побиты Иваном солдатским сыном.

□Вздумал Иван солдатский сын про своего брата, вынул платок из кармана, утёрся, смотрит – весь платок в крови. Сильно он запечалился: «Что за притча! Поехал мой брат в хорошую сторону, где бы ему царём быть, а он смерть получил!» Отпросился у жены и тестя и поехал на своём богатырском коне разыскивать брата, Ивана-царевича. Ближе ли, далеко, скоро ли, коротко, приезжает в то самое государство, где его брат

проживал; расспросил про всё и узнал, что поехал-де царевич на охоту, да так и сгинул – назад не бывал. Иван солдатский сын той же самой дорогою поехал охотиться; попадаетея и ему олень быстроногий. Пустился богатырь за ним в погоню; выехал на широкий луг – олень с глаз пропал; смотрит – на лугу ручеёк протекает, на воде две утки плавают. Иван солдатский сын застрелил уток, приехал в белокаменные палаты и вошёл в комнаты. Везде пусто, только в одной комнате печь топится, на шестке сковородка стоит. Он зажарил уток, вынес на двор, сел на крылечке, режет да кушает.

□Вдруг является к нему красная дёвица:

– Хлеб-соль, добрый мо́лодец! Зачем на дворе кушаешь?

Отвечает Иван солдатский сын:

– Да в горнице неохотно; на дворе веселей будет! Садись со мной, красная дёвица!

– Я бы с радостью села, да боюсь твоего коня волшебного.

– Полно, красавица! Я на простой лошадёнке приехал.

Она сдуру и поверила и начала дуться, надулась страшною львицею и только хотела проглотить доброго мо́лодца, как прибежал его волшебный конь и облапил её богатырскими ногами. Иван солдатский сын обнажил свою саблю острую и крикнул зычным голосом:

– Стой, проклятая! Ты проглотила моего брата Ивана-царевича? Выкинь его назад, не то изрублю тебя на мелкие части.

Львица рыгнула и выкинула Ивана-царевича; сам-то он мёртвый, в гниль пошёл, голова облезла.

□Тут Иван солдатский сын вынул из седла два пузырька с водою целющею и живущею; взбрызнул брата целущей водою – плоть-мясо срастается; взбрызнул живущей водою – царевич встал и говорит:

– Ах, как же я долго спал!

Отвечает Иван солдатский сын:

– Век бы тебе спать, если б не я!

Потом берёт свою саблю и хочет рубить львице голову; она обернулась душой-дэвицей, такую красавицей, что и рассказать нельзя, начала слёзно плакать и просить прощения. Глядя на её красу неописанную, смиловался Иван солдатский сын и пустил её на волю вольную.

Приехали братья во дворец, сотворили трёхдневный пир; после попрощались; Иван-царевич остался в своём государстве, а Иван солдатский сын поехал к своей супруге и стал с нею поживать в любви и согласии.

□ В некое время вышел Иван солдатский сын в чистое поле прогуляться; попадается ему навстречу малый ребёнок и просит милостыньку. Жалко стало доброму молодцу, вынул из кармана золотой и даёт мальчику; мальчик принимает милостыню, а сам дуется – оборотился львом и разорвал богатыря на мелкие части. Через несколько дней то же самое приключилось и с Иваном-царевичем: вышел он в сад прогуляться, а навстречу ему старичок, низко кланяется и просит милостыньку; царевич подаёт ему золотой. Старик принимает милостыньку, а сам дуется – обернулся львом, схватил Ивана-царевича и разорвал на кусочки. Так и сгинули сильномогучие богатыри, извела их сестра змеиная.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Беглый солдат и чёрт

Отпросился солдат в отпуск, собрался и пошёл в поход. Шёл-шёл, не видать нигде воды, чем бы ему сухарики помочить да на пути на дороге закусить, а в брюхе давно пусто. Нечего делать – потащился дальше; глядь – бежит ручеёк, подошел к этому ручейку, достал из ранца три сухаря и положил в воду. Да была ещё у солдата скрипка; в досужее время он на ней разные песни играл, скуку разгонял. Вот сел солдат у ручья, взял скрипку и давай наигрывать. Вдруг откуда ни возьмись – приходит к нему нечистый в виде старца, с книгою в руках.

– Здравствуй, господин служба!

– Здорово, добрый человек!

Чёрт аж поморщился, как солдат обозвал его добрым человеком.

– Послушай, дружище, поменяемся: я отдам тебе свою книгу, а ты мне скрипку.

– Эх, старый, на что мне твоя книжка? Я хоть десять лет прослужил государю, а грамотным никогда не бывал; прежде не знал, а теперь и учиться поздно!

– Ничего, служивый! У меня такая книга – кто ни посмотрит, всякий прочитать сумеет!

– А ну дай – попробую!

□Развернул солдат книжку и начал читать, словно с малых лет навык грамоте, обрадовался и тотчас же променял свою скрипку. Нечистый взял скрипку, начал смычком водить, а дело не клеится – нет в его игре никакого ладу.

– Слушай, брат, – говорит он солдату, – оставайся-ка у меня в гостях дня на три да поучи на скрипке играть; спасибо тебе скажу!

– Нет, старик, – отвечает солдат, – мне надо на родину, а за три дня я далеко уйду.

– Пожалуйста, служивый, коли останешься да научишь на скрипке играть, я тебя в один день домой доставлю – на почтовой тройке довезу.

Солдат сидит в раздумье: оставаться или нет? И вынимает он сухари из ручья – хочет закусывать.

– Эх, брат служивый, – говорит нечистый, – плохая твоя еда; покушай-ка моей!

Развязал мешок и достал белого хлеба, жареной говядины, водки и всяких заедков: ешь – не хочу!

□Солдат наелся-напился и согласился остаться у того незнакомого старика и поучить его на скрипке играть. Прогостил у него три дня и просится домой; чёрт выводит его из своих хором – перед крыльцом стоит тройка добрых коней.

– Садись, служивый! Мигом довезу.

Солдат сел с чёртом в повозку; как подхватили их лошади, как понесли – только вёрсты в глазах мелькают! Духом довезли.

– А что, узнаёшь эту деревню? – спрашивает нечистый.

– Как же не узнать! – отвечает солдат. – Ведь в этой деревне я родился и вырос.

– Ну, прощай!

Солдат слез с повозки, пришёл к сродственникам, стал с ними здороваться да про себя рассказывать, когда его и на сколько из полку отпустили. Показалось ему, что пробыл он у нечистого в гостях всего-навсего три дня, а на самом деле пробыл у него три года; срок отпуску давным-давно кончился, а в полку, чай, в бегах его считают.

□Оробел солдат, не знает, что и делать ему! И гульба на ум нейдёт! Вышел за околицу и думает: «Куда теперь деваться? Коли в полк идти – так там сквозь строй загоняют. Эх, нечистый, славно ты подшутил надо мною». Только вымолвил это слово, а нечистый тут как тут.

– Не кручинься, служивый! Оставайся со мной – ведь у вас в полку житьё незавидное, сухарями кормят да палками бьют, а я тебя счастливым сделаю... Хочешь, купцом сделаю?

– Вот это ладно; купцы хорошо живут, дай и я попробую счастья!

Нечистый сделал его купцом, дал ему в столичном городе большую лавку с разными дорогими товарами и говорит:

– Теперь, брат, прощай! Я уйду от тебя за тридевять земель, в тридесятое государство; у тамошнего короля есть прекрасная дочь Марья-королевна; стану её всячески мучить!

□Живёт наш купец, ни о чём не тужит; счастье само так и валит на двор; в торговле такая ему задача, что лучше требовать нельзя! Стали ему другие купцы завидовать.

– Давайте-ка, – говорят, – его спросим: что он за человек, и откуда приехал, и может ли торг вести? Ведь он у нас всю торговлю отбил – чтоб ему пусто было!

Пришли к нему, стали допрашивать, а он отвечает им:

– Братцы вы мои! Теперь у меня дел подошло много, некогда с вами потолковать; приходите завтра – всё узнаете.

Купцы разошлись по домам; а солдат думает, что ему делать? Как ответ давать? Думал-думал и решился бросить свою лавку и уйти ночью из города. Вот забрал он все деньги, какие налицо были, и пошёл в тридешатое государство.

□Шёл-шёл и приходит на заставу.

– Что за человек? – спрашивает его часовой.

Он отвечает:

– Я – лекарь; иду в ваше царство, потому что у вашего короля дочь больна; хочу её вылечить.

Часовой доложил про то придворным, придворные довели до самого короля. Король призвал солдата:

– Коли ты вылечишь мою дочь, отдам её за тебя замуж.

– Ваше величество, прикажите мне дать три колоды карт, три бутылки вина сладкого да три бутылки спирту горячего, три фунта орехов, три фунта свинцовых пуль да три пучка свеч воску ярого.

– Хорошо, всё будет готово!

Солдат дождался вечера, купил себе скрипку и пошёл к королевне; зажег в её горницах свечи, начал пить-гулять, на скрипочке играть.

□В полночь приходит нечистый, услышал музыку и бросился к солдату:

– Здравствуй, брат!

– Здорово!

– Что ты пьёшь?

– Квасок потягиваю.

– Дай-ка мне!

– Изволь! – и поднёс ему полный стакан горячего спирту; чёрт выпил – и глаза под лоб закатил:

– Эх, крепко забирает! Дай-ка закусить чем-нибудь.

– Вот орехи, бери да закусывай! – говорит солдат, а сам свинцовые пули подсовывает.

Чёрт грыз-грыз, только зубы поломал. Стали они в карты играть; пока то да се – время ушло, петухи закричали, и нечистый пропал. Спрашивает король королеву:

– Каково ночь спала?

– Слава богу спокойно!

И другая ночь так же прошла; а к третьей ночи просит солдат короля:

– Ваше величество! Прикажете в пятьдесят пуд клещи сковать да сделать три прута медных, три прута железных и три оловянных.

– Хорошо, всё будет сделано!

□В глухую полночь является нечистый.

– Здравствуй, служивый! Я опять к тебе погулять пришёл.

– Здравствуй! Кто не рад весёлому товарищу!

Начали пить-гулять. Нечистый увидал клещи и спрашивает:

– А это что такое?

– Да, вишь, король взял меня в свою службу да заставил музыкантов на скрипке учить; а у них у всех пальцы-то кривые – не лучше твоих, надо в клещах выправлять.

– Ах, братец, – стал просить нечистый, – нельзя ли и мне выправить пальцы? А то до сей поры не умею на скрипке играть.

– Отчего нельзя? Клади сюда пальцы.

Чёрт вложил обе руки в клещи; солдат прижал их, стиснул, потом схватил прутья и давай его потчевать; бьёт да приговаривает:

– Вот тебе купечество!

Чёрт молит, черт просит:

– Отпусти, пожалуй! За тридцать вёрст не подойду к дворцу!

А он знай бичует. Прыгал-прыгал чёрт, вертелся-вертелся, насилиу вырвался и говорит солдату:

– Хоть ты и женишься на королевне, а из моих рук не уйдёшь! Только отъедешь за тридцать верст от города – сейчас захвачу тебя!

Сказал и исчез.

□ Вот женился солдат на королевне и жил с нею в любви и согласии, а спустя несколько лет помер король, и он стал управлять всем царством. В одно время вышел новый король с своею женою в сад погулять.

– Ах, какой славный сад! – говорит он.

– Это что за сад! – отвечает королева.

– Есть у нас за городом другой сад, вёрст тридцать отсюда, вот там есть на что полюбоваться!

Король собрался и поехал туда с королевою; только вылез он из коляски, а нечистый навстречу:

– Ты зачем? Разве забыл, что тебе сказано! Ну, брат, сам виноват; теперь из моих лап не вырвешься.

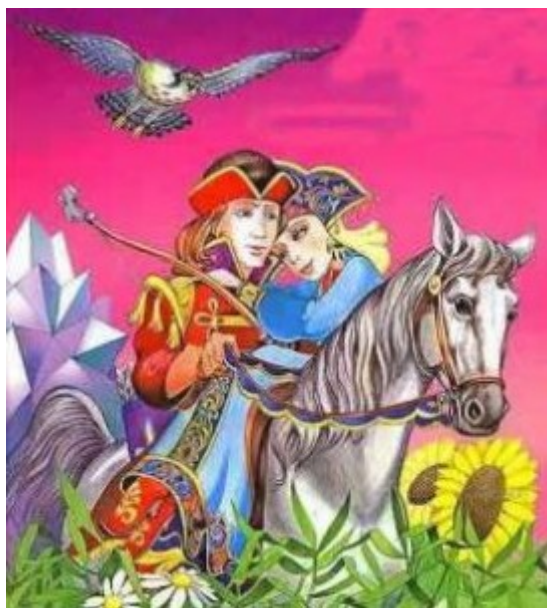
– Что делать! Видно, такова судьба моя! Позволь хоть с молодой

женой проститься.

– Прощайся, да поскорей!..

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Солдат избавляет царевну

Загнали солдата на дальние границы; прослужил он положенный срок, получил чистую отставку и пошёл на родину. Шёл он через многие земли, через разные государства; приходит в одну столицу и останавливается на квартире у бедной старушки. Начал её расспрашивать:

– Как у вас, баушка, в государстве – всё ли здорово?

– И-и, служивый! У нашего царя есть дочь-красавица Марфа-

царевна; сватался за неё чужестранный принц; царевна не захотела за него идти, а он напустил на неё нечистую силу. Вот уж третий год не может! Не даёт ей нечистая сила по ночам покою; бьётся сердечная и кричит без памяти... Уж чего царь ни делает: и колдунов и знахарей приводил – никто не избавил!

□Выслушал это солдат и думает сам с собой: «Дай пойду, счастья попытаю; может, и избавлю царевну! Царь хоть что-нибудь на дорогу пожалует». Взял шинель, вычистил пуговицы мелом, надел и марш во дворец. Увидала его придворная прислуга, узнала, зачем идёт, подхватила под руки и привела к самому царю.

– Здравствуй, служба! Что хорошего скажешь? – говорит царь.

– Здравия желаю, ваше царское величество! Слышал я, что у вас Марфа-царевна хворает; я могу её вылечить.

– Хорошо, братец! Коли вылечишь, я тебя с ног до головы золотом осыплю.

– Только прикажите, ваше величество, выдавать мне всё, что требовать стану.

– Говори, что тебе надобно?

– Да вот дайте мне меру чугунных пуль, меру грецких орехов, фунт свечей и две колоды карт да изладьте мне чугунный прут, чугунную царепку о пяти зубьях да чугунное подобие человека с пружинами.

– Ну, хорошо; к завтраму всё будет готово.

□Вот изготовили, что надо; солдат запер во дворце все окна и двери накрепко и закрестил их православным крестом, только одну дверь оставил незапертой и стал возле неё на часах; комнату осветил свечами, на стол положил карты, а в карманы насыпал чугунных пуль да грецких орехов. Управился и ждёт. Вдруг в самую полночь прилетел нечистый дух: куда ни сунется – не может войти! Летал-летал кругом дворца и увидал, наконец, отворёну дверь; скинулся человеком и хочет войти.

– Кто идёт? – окликнул солдат.

– Пусти, служивый! Я придворный лакей.

– Где же ты, халдейская харя, до сих пор таскался?

– А где был, там теперь нету! Дай-ка мне орешков погрызть!

– Много вас тут, халдеев! Всех по ореху оделить, самому ничего не останется.

– Дай, пожалуйста!

– Ну, возьми! – и даёт ему пулю.

□Чёрт взял в рот пулю, давил-давил зубами, в лепешку её смял, а разгрызть – не разгрыз. Пока он с чугунною пулей возился, солдат орехов с двадцать разгрыз да съел.

– Эх, служивый, – говорит чёрт, – крепки у тебя зубы!

– Плох ты, я вижу! – отвечал солдат. – Ведь я двадцать пять лет царю прослужил, над сухарями зубы притупил, а ты б посмотрел, каков с молодых годов я был!

– Давай, служивый, в карты играть.

– А на что играть-то станем?

– Известно – на деньги.

– Ах ты, халдейская харя! Ну, какие у солдата деньги? Он всего жалованья – три денежки в сутки получает, а надо ему и мыла, и ваксы, и мелу, и клею купить и в баню сходить. Хочешь – на щелчки играть?

– Пожалуй!

Начали на щелчки играть. Чёрт наиграл на солдата три щелчка.

– Давай, – говорит, – бить стану!

– Догоняй до десятку, тогда и бей; из трёх щелчков нечего рук марать!

– Ладно!

Стали опять играть; пришёл солдату крестовый хлюст^[1], и нагнал он на нечистого десять щелчков.

– Ну-ка, – говорит чёрту, – подставляй свой лоб; я покажу тебе, каково с нашим братом на щелчки играть! По-солдатски урежу! И другу и недругу закажешь!...

□Чёрт взмолился, просит, чтоб солдат полегче его бил.

– То-то! С вами, халдеями, только свяжись, сам не рад будешь; как дело к расчёту – так сейчас и отлынивать! А мне никоим способом нельзя тебя пощадить; я – солдат и давал присягу завсегда поступать верою-правдою.

– Возьми, служивый, деньгами!

– А на что мне твои деньги? Я играл на щелчки – щелчками и плати. Разве вот что: есть у меня меньшей брат, пойдём-ка к нему – он пробьёт тебе щелчки потише моего; а если не хочешь, давай я сам стану бить!

– Нет, служивый, веди лучше к меньшому брату.

□Солдат привёл нечистого к чугунному человеку, тронул за пружину да как щёлкнет чёрта по лбу – тот ажно в другую стену отлетел; а солдат ухватил его за руку:

– Стой! Ещё девять щелчков за тобою.

Тронул в другой раз пружину да так урезал, что чёрт кубарем покатился да чуть-чуть стены не пробил! А в третий раз отбросило нечистого прямо в окно; вышиб он раму, выскочил вон и наострил лыжи.

– Помни, проклятый, – кричит солдат, – за тобой ещё семь

щелчков осталось!

А чёрт-то улепётывает, аж пятками в зад достаёт. Наутро спрашивает царь Марфу-царевну:

– Ну что – каково ночь проводила?

– Спокойно, государь-батюшка!

□На другую ночь отрядил сатана во дворец иного чёёрта; вишь, они ходили стращать да мучить царевну по очереди. Досталось и этому на орехи! В тринадцать ночей перебивало у солдата тринадцать нечистых в переделке, и всем равно туго пришлось! Ни один в другой раз идти не хочет.

– Ну, внучки, – говорит им дедушка-сатана, – я сам теперь пойду.

Пришёл сатана во дворец и ну с солдатом разговаривать; то-другое, пятое-десятое, стали в карты играть; солдат обыграл его и повёл к меньшому брату щелчками угощать. Привёл, подавил пружины, меньшой брат обхватил сатану чугунными руками да так-таки плотно, что ему ни взад, ни вперёд нельзя пошевелиться. Солдат схватил чугунный прут и давай хлестать; бьёт сатану да приговаривает:

– Вот тебе в карты играть! Вот тебе Марфу-царевну мучить!

Исхлестал чугунный прут и взялся царапкой строгать: сатана благим матом ревет, а солдат знай себе дерёт, и так его донял, что тот как вырвался – без оглядки убежал! Вернулся в своё болото, охает:

– Ах, внучки, чуть было солдат до смерти не убил!

– То-то, дедушка! Вишь он какой мудрёный! Вот уж две недели, как я во дворце был, а всё голова трещит! Да ещё спасибо, что не сам бил, а меньшого брата заставлял!

□Вот стали черти придумывать, как бы выжить им из дворца этого

солдата. Думали-думали и решились золотом откупиться. Прибежали к солдату разом все; тот увидал, испугался и закричал громким голосом:

– Эй, брат, ступай сюда скорее, должники пришли, надо щелчки давать.

– Полно, полно, служивый! Мы пришли к тебе о деле потолковать; сколько хочешь возьми с нас золота – только выйди из дворца!

– Нет! Что мне золото! Уж коли хотите услужить мне, так полезайте все в ранец; я слышал, что нечистая сила больно хитра – хоть в щель, и то влезет! Вот коли это сделаете, – право слово, уйду из дворца!

Черти обрадовались:

– Ну, служивый, открывай свой ранец.

Солдат открыл; они и полезли туда все до единого, сатана сверху лёг.

– Укладывайтесь плотнее, – говорит солдат, – чтоб можно было на все пряжки застегнуть.

– Застегивай, не твоя печаль!

– Счастье вам, коли застегну! А не то не прогневайтесь, ни за что из дворца не выйду!

□Вот солдат взял застегнул ранец на все пряжки, перекрестил его, надел на себя и пошёл к царю:

– Ваше царское величество! Прикажите изготовить тридцать железных молотов, каждый молот в три пуда.

Царь отдал приказ; сейчас изготовили тридцать молотов. Солдат принёс ранец в кузницу, положил на наковальню и велел бить как можно сильнее. Плохо пришлось чертям, а вылезть никак нельзя! Угостил их солдат на славу!

– Теперь довольно!

Вскинул ранец на плечи и явился к царю с докладом:

– Служба-де моя кончена; больше нечистая сила не станет царевны тревожить.

□Царь поблагодарил его:

– Молодец, служивый! Ступай гуляй по всем кабакам и трактирам, требуй, что только душе угодно; ни в чём тебе нет запрету!

И приставил к нему царь двух писарей, чтобы всюду за ним ходили да записывали на казённый счет, где сколько солдат нагуляет. Вот он гулял-гулял, целый месяц прогулял и пошёл к царю.

– Что, служба, нагулялся?

– Нагулялся, ваше величество! Хочу домой идти.

– Что ты! Оставайся-ка у нас; я тебя первым человеком сделаю.

– Нет, государь, хочется повидать своих сродников.

– Ну, ступай с богом! – сказал царь, дал ему повозку, лошадей и денег столько, что в целый век не прожить.

□Поехал солдат на родину; пристал дорогою в какой-то деревне и увидел знакомого солдата – в одном полку служили.

– Здравствуй, брат!

– Здравствуй!

– Как поживаешь?

– Всё по-старому!

– А мне господь счастье дал: вдруг разбогател! На радостях надо бы выпить: сбегай-ка, брат, купи ведёрку вина.

– Рад бы сбегать, да, вишь, у меня скотинка ещё не убрана; потрудись, сходи сам – кабак вот, недалече!

– Ладно; а ты возьми мой ранец, положи в избе да накажи бабам, чтоб не трогали!

Отправился наш солдат за вином, а земляк его принёс ранец в избу и говорит бабам:

– Не трожьте!

Пока убирал он скотину, бабам не терпится: «Дай посмотрим, что такое в ранце наложено?» Принялись расстёгивать – как выскочат оттуда черти с шумом да с треском; двери с крючьев посбивали и ну бежать! А навстречу им солдат с ведеркою:

– Ах, проклятые! Кто вас выпустил?

Черти испугались и бросились в буковище^[2] под мельницу, да там навсегда и остались. Солдат пришёл в избу, разобрал баб и давай гулять со старым товарищем; а после приехал на родину и зажил богато и счастливо.

[1] – Три карты одной масти (Ред.).

[2] – Место под колесом мельницы.

 Загрузка...

Русские народные сказки. А.

Н. Афанасьев. Иванко Медведко

В некотором селе жил-был богатый мужик с женою. Вот раз пошла она в лес за груздями, запуталась и забрела в медвежью берлогу. Медведь взял её к себе, и долго ли, коротко ли – прижил с нею сына: до́ пояс человек, а от пояса медведь; мать назвала того сына Иванко Медведко. Годы шли да шли. Иванко Медведко вырос, и захотелось ему с матерью уйти на село к людям; выждали они, когда медведь пошёл на пчельник, собрались и убежали. Бежали, бежали и добрались-таки до места. Увидел мужик жену, обрадовался – уж он не чаял, чтоб она когда-нибудь домой воротилась; а после глянул на её сына и спрашивает: «А это что за чудище?» Жена рассказала ему всё, что и как было, как она жила в берлоге с медведем и как прижила с ним сына: до́ пояс человек, а от пояса медведь.

– Ну, Иванко Медведко, – говорит мужик, – поди на задний двор да заколи овцу; надо про вас обед сготовить.

– А котору заколоть?

– Ну хоть ту, что на тебя глядеть станет.

Иванко Медведко взял нож, отправился на задний двор и только скричал овцам – как все овцы на него и уставились. Медведко

тотчас всех переколол, поснимал с них шкурки и пошёл спросить: куда прибрать мясо и шкуры?

– Как? – заревел на него мужик. – Я тебе велел заколоть одну овцу, а ты всех перерезал!

– Нет, батька! Ты велел мне ту заколоть, которая на меня взглянет; я на задний двор – они все до единой так на меня и уставились; вольно ж им было на меня глазеть!

– Экой разумник! Ступай же, снеси всё мясо и шкуры в амбар, а ночью покарауль дверь у амбара-то, как бы воры не украли да собаки не съели!

– Хорошо, покараулю.

□Как нарочно, в ту самую ночь собралась гроза, и полил сильный дождь. Иванко Медведко выломил у амбара дверь, унёс её в баню и остался там ночевать. Время было тёмное, вора́м сподручное; амбар открыт, караула нет – бери, что хочешь! Поутру проснулся мужик, пошёл посмотреть: всё ли цело? Как есть ничего не осталось: что собаки съели, а что воры покрали. Стал он искать сторожа, нашёл его в бане и принялся ругать пуще прежнего.

– Ах, батька! Чем же я виноват? – сказал Иванко Медведко. – Сам ты велел дверь караулить – я дверь и караулил: вот она! Ни воры не украли, ни собаки не съели!

– Что с дураком делать? – думает мужик. – Этак месяц-другой поживёт, совсем разорит! Как бы его с рук сбыть?

Вот и надумался: на другой же день послал Иванка Медведка на озеро из песку верёвки вить; а в том озере много нечистых водилось: пусть-де его затащат черти в омут!

□Иванко Медведко отправился на озеро, сел на берегу и начал из песку верёвки вить. Вдруг выскочил из воды чертёнок:

– Что ты делаешь, Медведко?

– Что? Верёвки вью; хочу озеро морщить да вас, чертей, корчить
– затем, что в наших омутах живёте, а руги^[1] не платите.

– погоди, Медведко! Я побегу скажу дедушке, – и с этим словом бултых в воду.

Минут через пять снова выскочил:

– Дедушка сказал: коли ты меня перегонишь, так заплатит ругу, а коли не перегонишь – велел тащить тебя самого в омут.

– Вишь пряткий! Ну, где тебе перегнать меня? – говорит Иванко Медведко. – У меня есть внучек, только вчера родился, – и тот тебя перегонит! Не хочешь ли с ним потягаться?

– Какой-такой внучек?

– Вон под колодой лежит, – отвечает Медведко да как вскрикнет на зайца: – Ай, Заюшко, не подгадь!

Заяц бросился без памяти в чистое поле и вмиг скрылся из виду; чертёнок было за ним, да куда? – на полверсту отстал.

– Теперь, коли хочешь, – говорит ему Медведко, – побежим со мною; только, брат, с уговором: если отстанешь – я тебя до смерти убью!

– Что ты! – сказал чертёнок – и бултых в омут.

□ Немного погодя выскочил опять из воды и вынес дедушкин чугунный костыль:

– Дедушка сказал: коли вскинешь ты вот этот костыль выше, чем я вскину, так заплатит ругу.

– Ну, кидай ты наперво!

Чертёнок вскинул костыль так высоко, что чуть видно стало: с страшным гулом полетел костыль назад и ушёл в землю наполовину.

– Кидай теперь ты!

Медведко наложил на костыль руку, и пошевелить не смог.

– погоди, – говорит, – вот скоро подойдёт облачко, так на него закину!

– Э, нет! Как же дедушке без костыля-то быть? – сказал бесёнок, схватил чёртову дубинку и бросился поскорей в воду.

□Погода немножко опять выскочил:

– Дедушка сказал: коли сможешь ты обнести эту лошадь кругом озера хоть один раз лишней супротив меня, так заплатит ругу; а не то ступай сам в омут.

– Эко диво! Начинай.

Чертёнок взвалил на спину лошадь и потащил кругом озера; разов десять обнёс и устал окаянный – пот так и льёт с рыла!

– Ну, теперь мой черёд! – сказал Иванко Медведко, сел на лошадь верхом и ну ездить кругом озера: до тех пор ездил, пока лошадь пала!

– Что, брат! Каково? – спрашивает чертёнка.

– Ну, – говорит нечистый, – ты больше моего носил, да ещё как! – промеж ног; этак мне и разу не обнести! Сколько ж руги платить?

– А вот сколько: насыпь мою шляпу золотом да прослужи у меня год в работниках – с меня и довольно!

□Побежал чертёнок за золотом, а Иванко Медведко вырезал в шляпе дно и поставил её над глубокой ямой; чертёнок носил, носил золото, сыпал-сыпал в шляпу, целый день работал, а только к вечеру сполна насыпал. Иванко Медведко добыл телегу, наклал её червонцами и свёз на чертёнке домой:

– Разживайся, батька! Вот тебе батрак, а вот и золото.

[1] – Налог, подбор (обычно для попа. – Ред.).

Загрузка...